

Александр Александрович Блок

**Поэзия заговоров и
заклинаний**

Александр Блок Поэзия заговоров и заклинаний

То, что было живой необходимостью для первобытного человека, современные люди должны воссоздавать окольными путями образов. Непостижимо для нас древняя душа ощущает как единое и цельное все то, что мы сознаем как различное и враждебное друг другу. Современное сознание различает понятия: жизнь, знание, религия, тайна, поэзия; для предков наших все это - одно, у них нет строгих понятий. Для нас - самая глубокая бездна лежит между человеком и природой; у них - согласие с природой исконно и безмолвно; и мысли о неравенстве быть не могло. Человек ощущал природу так, как теперь он ощущает лишь равных себе людей; он различал в ней добрые и злые влияния, пел, молился и говорил с нею, просил, требовал, укорял, любил и ненавидел ее, величался и унижался перед ней; словом, это было постоянное ощущение любовного единения с ней - без сомне-

ния и без удивления, с простыми и естественными ответами па вопросы, которые природа задавала человеку. Она, так же как он, двигалась и жила, кормила его как мать-нянька, и за это он относился к ней как сын-повелитель. Он подчинялся ей, когда чувствовал свою слабость; она подчиняла его себе, когда чувствовала свою силу. Их отношения принимали формы ежедневного обихода. Она как бы играла перед ним в ясные дни и задумывалась в темные ночи; он жил с нею в тесном союзе, чувствуя душу этого близкого ему существа с ее постоянными таинственными изменениями и яркими красками.

Только постигнув древнюю душу и узнав ее отношения к природе, мы можем вступить в темную область гаданий и заклинаний, в которых больше всего сохранилась древняя сущность чужого для нас ощущения мира. Современному уму всякое заклинание должно казаться порождением народной темноты: во всех своих частях оно для него нелепо и странно. Так некогда относилась к нему и наука. Сахаров излагал заговоры отчасти с нравоучительной целью [1] - чтобы остеречь от

обмана; но даже точная наука убедилась, теперь в практической применимости заклинаний, после того как был открыт факт внушения. Сверх того, заговоры, а с ними вся область народной магии и обрядности, оказались тою рудой, где блещет золото неподдельной поэзии; тем золотом, которое обеспечивает и книжную “бумажную” поэзию - вплоть до наших дней. Вот почему заговоры приобрели психологический, исторический и эстетический интерес и тщательно собираются и исследуются.

Мы должны воссоздать ту внешнюю обстановку и те душевные переживания, среди которых могли возникнуть заговоры и заклинания; для этого необходимо вступить в лес народных поверий и суеверий и привыкнуть к причудливым и странным существам, которые потянутся к нам из-за каждого куста, с каждого сучка и со дна лесного ручья. Древний человек живет, как в лесу, в мире, исполненном существ - добрых и злых, воплощенных, и призрачных. Каждая былинка - стихия, и каждая стихия смотрит на него своим взором, обладает особым лицом и нравом, как

и он. Подобно человеку, она преследует какие-то цели и обладает волей, душа ее сильна или слаба, темна или светла. Она требует пищи и сна, говорит человеческим языком. Водяной зол и капризен - он назло затопляет низины и пускает ко дну корабли. Русалка, бросающаяся на купающуюся девушку, спрашивает: "Польнь или петрушка?" Услыхав ответ: "Польнь!", русалка убегает с криком: "Сама ты сгинь!" Но когда девушка ответит: "Петрушка!", русалка весело кричит: "Ах ты, моя душка!" - и щекочет девушку до смерти (это поверье в ходу и у великороссов и у малороссов). Ветер переносит болезни и вести. В Западной Руси, Литве и Польше есть поверье, что мор - это ветер: моровая женщина всовывает руку в окно или в дверь избы и намахивает смерть красным платком. Но любовь и смерть одинаково таинственны там, где жизнь проста; потому девушка насылает любовь, когда машет рукавами, по малороссийской песне:

Иде дивка дорогою, чохлами махае,
А за нею казаченко важенько здихае,
Ой, перестань дивчонько чохлами ма-

хать,

Ой, хай же я перестану важенько здихать!

В этом ветре, который крутится на дорогах, завивая снежные столбы, водится нечистая сила. Человек, застигнутый вихрем в дороге, садится, крестясь, на землю. В вихревых столбах ведьмы и черти устраивают поганые пляски и свадьбы; их можно разогнать, если бросить нож в середину вихря: он втыкается в землю, - и поднявший его увидит, что нож окровавлен. Такой нож, “окровавленный вихрем”, необходим для чар и заклятий любви, его широким лезвием осторожно вырезают следы, оставленные молодницей на снегу. Так, обходя круг сказаний о вихре, мы возвращаемся к исходной точке и видим, что в зачарованном кольце жизни народной души, которая до сих пор осталась первобытной, необычайно близко стоят мор, смерть, любовь - темные, дьявольские силы.

В хаосе природы, среди повсюду протянутых нитей, которые прядут девы Судьбы, нужно быть поминутно настороже; все стихии требуют особого отношения к себе, со всеми

приходится вступать в какой-то договор, потому что все имеет образ и подобие человека, живет бок о бок с ним не только в поле, в роще и в пути, но и в бревенчатых стенах избы. Травы, цветы, птицы возбуждают к себе заботу и любовь; известно, что народ бережет голубей; они называются “ангелами божьими” в одной казанской легенде. “Есть трава именем Архангел”, - говорит народный травник. В белорусском травнике с необычайной нежностью описывается трава “тихоня”: “растет окала зелени, листочки маленькие рядышкым, рядышкым, твяточик сининький. Растет окала земли, стелитца у разные сторыны”. Иногда такие описания совсем благоговейны, трава в описании лечебника представляется как хрупкое живое существо: “трава везде растет по пожням и по межникам и по потокам; листье расстилается по земле. Кругом листков рубежки, а из нее на середине стволик, тощий, прекрасен, а цвет у него желт; и как отцветет, то пух станет тапочкою, а как пух сойдет со стволиков, то станут плешки; а в корне и в листу и в стволике, как сорвешь, в них беленько”. - Какое-то непонят-

ное сочувствие рождается даже к страшному чудовищу - змею; этот огненный летун летал по ночам на деревни и портил баб; но вот он умер и безвреден, и сейчас же становится своим, надо его похоронить. Такая странная запись сделана в одной деревушке Смоленской губернии: близ деревни окошел змей-чудовище и лежал, распространяя зловоние. По совету знахаря, мальчики и девочки запрягли в тележечки петушков и курочек и возили землю на могилку змея, пока не засыпали его совсем. Рядом с этими домашними, обиходными известиями есть сведения о каких-то исполинских существах, внушающих к себе уважение своей величиной и отдаленностью: вся земля покоится на китах. Где-то обитают огромные Индрик-зверь и Стратим-птица. Все это настолько несомненно, что, например, не возникает даже вопроса, в действительности ли существуют такие киты, но только один вопрос: чем они питаются. Ответ: три больших кита и тридцать малых, на которых стоит земля, "находя на райское благоухание", берут от него десятую часть и "оттого сыты бывают". Чаще всего возникают вопросы, от-

куда что пошло, что естественно в быту, проникнутом идеями рода, говорит А. Н. Веселовский. [2] На эти вопросы отвечают бесчисленные *legendes des origines* - рассказы о происхождении. В финской руне о Сампо, волшебной мельнице, символе аграрного благоденствия, поется о том, как создалось это чудо, и как раздобыли его. Самый известный пример вопросов о происхождении - стих о Голубиной книге. [3] Есть как будто и более пытливые вопросы, но ответы на них получаются совсем уже странные, книжные, и удивительно, как могут удовлетворяться такими ответами. Отчего завелась темная сила? Запись, сделанная в Смоленской губернии, отвечает: женка народила Адаму такую ораву детей, что он посовестился показать их богу; их было “дужа много”, и, обернувшись назад, он не нашел их, - все они стали темной силой. Объяснение поистине неудовлетворительное. Очевидно, вопросы о тайнах мира вовсе не носили и не носят в народе характера страдальческой пытливости, так свойственной нам. Без всякого надрыва они принимают простой, с их точки зрения, ответ, в меру по-

нимания. То, что превышает эту меру, навсегда остается тайной. В этом отношении к миру, живущему в народе и до сей поры, нужно искать ту психологическую среду, которая произвела поэзию заклинаний.

Мирьась с тайнами окружающего мира, народ признает за отдельными людьми вещее знание этих тайн. Это - колдуны, кудесники, знахари, ведуны, ворожеи, ведьмы; и их почитают и боятся за то, что они находятся в неразрывном договоре с темной силой, знают слово, сущность вещей, понимают, как обратить эти вещи на вред или на пользу, и потому отделены от простых людей недоступной чертой. Чтобы выведать тайну природы, нужно продать душу чорту, потому настоящие знахари редки. В Белоруссии, где число знахарей очень велико - в каждой деревне есть свой знахарь или знахарка, - все-таки очень мало самых страшных, "природных ведьмаков". Большая часть - "ведьмаки навучоные", каждый из них знает лишь небольшое число заговоров от болезней. Но и для того, чтобы стать простым знахарем, нужны странные, необычайные средства. В Смоленской губер-

нии записаны рассказы о том, как баба должна была “прозреть”, чтобы сделаться знахаркою, и как леший учил девку знахарству и “усяму пырядку”, - отчего завелись лесовые, водяные, полевые и домовые. Чаще всего колдовские приемы переходят из рода в род; умирающий знахарь передает свое знание другому.

Знахарь живет одиноко. У него есть особые приметы: мутный взор, свинцово-серое лицо, сросшиеся брови. Он говорит хрипло и мало, постоянно что-то шепчет, любит выпить. Земля не принимает его после смерти, если он ежегодно не говел. В таком случае он бродит “упырем” по земле и пьет по ночам людскую кровь, во избежание чего в Малороссии гроб такого умершего посыпают “маком-видюком”. Свойства ведьм еще страшнее: они умеют летать и обладают чрезвычайной физической силой; на теле у них дьявольские пятна, руки от плеч и ноги от колен - синие, налитые кровью, измученные.

Всего больше кудеснических поверий сохранилось на севере, среди лютой и недоступной природы. Много преданий перешло от

чудских племен, - они были известны своими волшебными познаниями. Северные знахари отличаются злобой, они насылают порчу и изуроченье. На юге, напротив, много затейливых и забавных рассказов. Заклинания стали доступны нам благодаря своему утилитарному характеру, - огромное число их вошло в область народной медицины; потому самое богатое собрание примет, оберегов, причитаний, заговоров и отреченных молитв находится в лечебниках и травниках. Эти травники были и чисто русские, приходили и из Греции. Первый источник их - "отреченные книги", впоследствии включены еще заговоры, приметы и выписки из старинного чернокнижия. Не мудрено, что списки лечебников очень многочисленны, они входили в обиход, доставляли ежедневную помощь, спасали тело от болезней и душу от колдовских чар. Все рецепты имели таинственный характер: "Змеиная голова: зубами ее наколоть на руке, и будут; от того шишки - не годеи будешь в солдаты; а после потереть канфарой, то (шишек) не будет". Уже здесь, несмотря на бытовое происхождение, чувствуется лесное и ди-

кое отношение к службе - оно живет в народе и до сих пор. Еще таинственной рецепты с указаниями, как рыть клады, собирать траву Тирличь под Иванов день на Лысой горе у Днепра или отыскивать какой-то “святой корень” “на добрые дела”, - чтобы стать невидимкой: если найдешь большой муравейник, от которого идут двенадцать дорог, раскопай и облей его водой, и наткнешься на дыру в земле. Комай глубже и увидишь царя муравьев па багровом или синем камне. Облей его кипящей водой, и он упадет с камня, а ты комай опять и обхвати камень платом. Он спросит: “Нашел ли?”, а ты молчи и камень держи во рту и платом потирайся. “Ты, небо-отец, ты, земля-мать, ты, корень свят, благослови себя взять на добрые дела, на добро”.

Итак, рецепты и заговоры совершенно однородны, и вот почему они помещены в одних и тех же рукописях. Есть также особые тетрадки, где помещены только заговоры. Такие тетрадки иногда попадают в руки собирателей и ученых. В них - масса грамматических ошибок, местами даже потеряны смысл фраз; очевидно, они (тетрадки) были очень

распространены и переписывались столько раз, что под конец сами переписчики многого не понимали. Кроме того, заговоры встречаются и в судных делах, но все эти источники относятся к позднему времени - не ранее XVII века.

Больше всего сохранилось заговоров у великороссов. На севере можно встретить массу тетрадок с оберегами, отказами, подходами, шепотками, прикосами. Там - в народе, с угрюмой, ночной душой, сохранились тайны чар. На юге, напротив, заговорами владеют большей частью только знахари, держат их в тайне и изустно передают своим преемникам. В Малороссии мало тетрадок с заговорами, притом же владеют ими не крестьяне, а помещики, мещане, казаки. Большой частью южные заклинания кратки, на севере - они длинней и обстоятельней.

Те преследования, которые христианские церковь и государство всюду и всегда применяли и применяют к народной старине - к ее верованиям, обычаям, обрядам и поэзии, - коснулись и заклинаний и их носителей. С первых веков христианства сборные поста-

новления осуждали сношения с чародеями и магами. Бесконечные процессы ведьм перешли далеко за черту средних веков. На Западе сложились целые демонологические системы, что вызвало инквизиционные преследования колдунов. Там считались с чортом, а у славян скорее с природой; славяне смотрели на чародеев как на людей исключительно вещей, и потому, например, в Польше имя чорта почти не встречается в судебных делах. Здесь, несмотря на существование инквизиции (с XIV столетия), колдовство преследуется гораздо слабее. На Руси знахарство испытывает гонение скорее со стороны церкви и государства, а не со стороны народа. Известный факт народного преследования ведьм, за которых заступился гуманный митрополит Серапион, совершенно пропадает среди бесчисленных постановлений соборов и строгих законов Петра относительно чародейства.

Чем же объяснить эти упорные гонения, воздвигаемые на одиноких западных магов, приютившихся в монастыре, городе, селении, и на простоватых русских знахарей и баб-шептух, пришедших из лесу в крайнюю избу

нищей деревни? Конечно, это “христианская” культура борется с последними остатками “язычества”. Место умершего бога Пана заменил униженный, гонимый маг и знахарь, которого уже не открыто, но втихомолку посещают люди, прося его заступничества перед темными силами природы; эту природу он царственно заколдовал и тем подчинил себе. В селах девушки водят хороводы, тешатся играми, поют песни; задаются темные загадки, толкуются сны, плачут над покойником, копают клады, вынимают следы; но все лучи этих радостей, горестей, утех и песен народных - незримо скрещиваются, как бы переплетаются, в одном лице колдуна... Он - таинственный носитель тех чар, которыми очарован быт народа; и такой очарованный быт становится каким-то иным, не обыденным, он светится магическим светом и страшен другому, ежедневному быту - своею противоположностью ему. Обряды, песни, хороводы, заговоры сближают людей с природой, заставляют понимать ее ночной язык, подражают ее движению. Тесная связь с природой становится новой религией, где нет границ вере

в силу слова, в могущество песни, в очарование пляски. Эти силы повелевают природой, подчиняют ее себе, нарушают ее законы, своею волей сковывают ее волю. Опьяненный такою верой сам делается на миг колдуном и тем самым становится вне условий обихода. Это страшно для спокойствия домашнего очага, для здоровой правовой нормы, для обычая, который обтрепался и потерял смысл, протянувшись сквозь столетия, для церковного догмата, который требует слепой веры и запрещает испытывать тайну. Колдун - самодовлеющий законодатель своего мира; он создал этот мир и очаровал его, смешав и сопоставив те обыденные предметы, которыми вот сейчас пользовался другой - здоровый государственный или церковный законник, создающий разумно, среди бела дня, нормы вещного, государственного, церковного права. И предметы, такие очевидные и мертвые при свете дневного разума, стали - иными, засияли и затуманились. От новых сочетаний их и новых граней, которыми они никогда прежде не были повернуты, протянулись как бы свещающиеся отравленные иглы они - грозят отрав-

вить и разрушить тот - старый, благополучный, умный быт своими необычными и странными остриями. Вот почему во все века так боятся магии - этой игры с огнем, испытующей, жуткие тайны. Кудесник-законодатель перевертывает календарь, вместо церковных праздников он отмечает иные благоприятные дни для чудес - дни легкие и черные; он создает условия для успешности всех начинаний - и эти условия - иные, чем правовые или нравственные нормы; между тем они так же строго формальны, как эти нормы: так, заговор должен быть произносим с совершенной точностью, так же следует исполнять обряд; зубы у заговаривающего должны быть все целы; передать силу заговора можно только младшему летами; некоторые заговоры нужно произносить под связанными ветвями березки, над следом; другие - натоцак, на пороге, в чистом поле, лицом к востоку, на ущербу луны. Власть кудесника так велика, что в любой момент он может выбить из бытовой колеи, причинить добро или зло - простым действием, которое в руках у него приобретает силу: у галицких русинов знахарь втыкает

нож по рукоятку под порог первых дверей хаты; тогда зачарованный, схваченный вихрем, носится по воздуху до тех пор, пока заклинатель не вытянет потихоньку из-под порога воткнутый нож. Но всего страшнее чары при исполнении религиозных обрядов; задумавший на “безголовье” врага ставит в церкви свечу пламенем вниз или постится в скоромный день. И таких предписаний, - исходящих как бы от самой природы и от знающего тайны ее знахаря, строгих и точных, совершенно напоминающих по форме своей нормы любого права и, однако, столь отличных от них по существу, - так много записано и рассеяно в устном предании, что приходится считаться с этим древним и вечно юным правом, отводить ему почетное место, помнить, что забывать и изгонять народную обрядность - значит навсегда отказаться понять и узнать народ.

Профессиональный заклинатель или тот, кого тоска, отчаянье, любовь, беда приобщили к природе, кому необычные обстоятельства внушили дар заклинаний, - обращаются к природе, стремясь испытать ее, прося, что-

бы она поведала свои тайны. Такое обращение напоминает молитву, но не тождественно с нею. Молитва, говорит Е.В. Аничков, [4] предполагает известное религиозное состояние сознания, по крайней мере в молитве обращаются к известному лицу - подателю благодати. В молитвенной формуле вся сила сосредоточивается на упоминании имени и свойства этого лица. В заклинательной формуле, наоборот, весь интерес сосредоточен на выражении желания (по-немецки Wunsch значит и желание и заклятие). Имена божеств, упоминаемые в ней, изменяются, но сама формула остается неизменной; так например, у старообрядцев сохранилось много “двоеверных” заговоров, где упоминаются архангелы, святые, пророки; но имена их расположены на полустертой канве языческой мифологии, и сами заговоры сходны вплоть до отдельных выражений с чисто языческими заклинательными формулами и молитвами. Когда-то наука, в лице мифологической школы, считала заговоры остатками молитв, обращенных к стихийным божествам. Так, например, заговор на остановление руды (кро-

ви), по мнению Афанасьева, [5] относился к богу-громовнику, как властителю небесной влаги - крови, истекающей из ран, наносимых стрелами Перуна облачным демонам. Точно так же Потебня считал заговоры “выветрившимися языческими молитвами”, но впоследствии отказался от этого мнения: “в заговорах, - говорит он, - может вовсе не заключаться представление о божестве. Чары и до сих пор могут не иметь отношения к небесным и мировым явлениям. Заговоры и чары, видимо стоящие вне сферы богопочитания, созданные даже вчера и сегодня, могут быть по своему характеру более первобытны, чем заведомо древние - со следами языческого божества”. [6] По словам Е. В. Аничкова, “в народном сознании заклинание и молитва хотя и сосуществуют, но довольно отчетливо различаются”. [7] Так, например, в белорусских молитвенных песнях христианского бога просят допустить до “заклинания” весны.

Как бы то ни было, заклинания и молитвы часто неразделимы. Содержание иных коротких песен колеблется между заговором и молитвой; среди молитв, признаваемых за тако-

вые самим народом, вдруг читается (у белорусов) вечерняя молитва со следами заговора:

Ходзила Мария
Коля синя моря,
А на тым жа мори
Латыр-камень,
А на тым же камни
Золотый престол...

Во Владимирской губернии, вместо молитвы “Богородица Дева”, читается иногда народный стих заклинательного свойства, заимствованный, по-видимому, из апокрифов о Богородице и крестном древе:

Пресвятая Богородица,
Где спала, почивала?
В городе Ерусалиме,
За божьим престолом,
Где Иисус Христос
Несет сосуды:
Кровь и руда льется
И снется (?) и вьется.
Кто эту молитву знает,

Трижды в день читает, -
Спасен бывает. -
Первое дерево кипарисово,
Второе дерево истина,
Третье дерево вишнево. -
От воды и от потопу,
От огня - от пламя,
От лихова человека,
От напрасной смерти.

Психология народных обрядов коренится в религиозном миросозерцании. Заклинающий человек властен над природой, она служит только ему; оттого он сам чувствует себя богом. Это подтверждается массой фактов, собранных о людях-богах. Состояние сознания заклинающего природу, по словам Е. В. Аничкова, еще не религия, но то смутное мировоззрение, в котором таились уже зачатки религии. Заклинание - это древнейшая форма религиозного сознания. [8]

Приемы обрядов-заклинаний, а отсюда и всех народных обрядов, можно сблизить с магией, как позитивной наукой. Этим объясняется твердая вера в силу чар и осуществи-

мость заклинаний. Заклинатель всю силу свою сосредоточивает на желании, становится как бы воплощением воли. Эта воля превращается в отдельную стихию, которая борется или вступает в дружественный договор с природой - другою стихией. Это - демоническое слияние двух самостоятельных волений; две хаотические силы встречаются и смешиваются в злом объятии. Самое отношение к миру теряется, человек действует заодно и как одно с миром, сознание заволакивается туманом; час заклęcia становится часом оргии; на нашем маловыразительном языке мы могли бы назвать этот час - гениальным прозрением, в котором стерлись грани между песней, музыкой, словом и движением, жизнью, религией и поэзией. В этот миг, созданный сплетением стихий, в глухую ночь, не озаренную еще солнцем сознания, раскрывается, как ночной цветок, обреченный к утру на гибель, то странное явление, которого мы уже не можем представить себе: слово и дело становятся неразличимы и тождественны, субъект и объект, кудесник и природа испытывают сладость полного единства. Мирская

кровь и мировая плоть празднуют брачную ночь, пока еще не снизошел на них злой и светлый дух, чтобы раздробить и разъединить их.

Только так можно объяснить совершенно непонятную для нас, но очевидную и простую для древней души веру в слово. Очевидно, при известной обстановке, в день легкий или черный, слово становится делом, обе стихии равноценны, могут заменять друг друга; за магическим действием и за магическим словом - одинаково лежит стихия темной воли, а где-то еще глубже, в глухом мраке, теплится душа кудесника, обнявшаяся с душой природы. В таком же духе пытается объяснить атмосферу заклинаний и наука. "Вера в возможность достижения внешней цели посредством субъективного процесса сравнения и изобретения, - говорит Потебня, - предполагает низкую степень различимости изображаемого и изображения". [9] Для того чтобы вызвать силу, заставить природу действовать и двигаться, это действие и движение изображают символически. "Встану", "пойду", "умоюсь" - так часто начинаются заговоры, и, оче-

видно, так делалось когда-то; с такими словами заклинатель входит в настроение, вспоминает первоначальную обстановку, при которой соткался заговор; но, очевидно, ему нет нужды воспроизводить эти действия, довольно простого слова; притом же это слово и не всегда выполнимо: “Оболокусь я оболочком, обтычусь частыми звездами”, - говорит заклинатель; и вот он - уже маг, плывущий в облаке, опоясанный Млечным Путем, наводящий чары и насылающий страхи. Потому первобытная душа не различает чисто словесных заговоров от обрядовых действий и заклинаний, как различаем их мы, основываясь на мертвых осколках и текстах, которые, но самому существу своему, никогда не могут вылиться и застыть в определенных формах, но представляют из себя туманные, зыблемые озера образов, вечно новые, создаваемые вновь и вновь, с приливами и отливами, очарованные влиянием неверной и бледной луны. Чаровать можно чем угодно - взглядом, топотом, зельями, подвесками, талисманами, амулетами, ладанками и просто заговором, - и все это будет обрядовым действием. Для нас, не посвя-

ценных в простое таинство души заклинателя - в его власть над словом, превращающую слово в дело, - это может быть смешно только потому, что мы забыли народную душу, а может быть, истинную душу вообще; для непосвященного с простою душой, более гармоничной, менее охлажденной рассудком, чем наша, - такое таинство страшно; перед ним - не мертвый текст, с гордостью записанный со слов деревенского грамотея, а живые, лесные слова; не догматический предрассудок, но суеверная сказка, а творческий обряд, страшная быль, которая вот сейчас вырастет перед ним, заколдует его, даст или отнимет благополучие или, еще страшнее, опутает его неизвестными чарами, если того пожелает всемогущий кудесник.

Знахарь напрягает всю свою волю, требует, чтобы произошло то, что им замыслено. Для того чтобы вызвать желанную демоническую силу, он творит обряд или рассказывает о действиях природы. Это - две необходимых части всякого заговора - пожелание обряд - так называемая эпическая часть. Основная форма заговора, говорит Л. Н. Веселовский,

[10] была двучленная, стихотворная или смешанная с прозаическими партиями; в первом члене параллели - призывалось божество, демоническая сила на помощь человеку; когда-то это божество или демон совершили чудесное исцеление, спасли или оградили; какое-нибудь действие их напоминалось типически; во втором члене - являлся человек, жаждущий такого же чуда, спасения, повторения сверхъестественного акта. Разумеется, эта двучленность подвергалась изменениям, во втором члене эпическая канва уступала место лирическому моменту моления, но образность восполнялась обрядом, который сопровождал реальным действием произнесение заклинательной формулы. Иногда может остаться одно пожелание, иногда - только изображение символа. Веселовский называет это "одночленным параллелизмом" (в противоположность "двучленному"). Есть формулы, где развита только эпическая часть, например следующий заговор от крови: "Три сестрицы прядут шелк; выпрядайте его, на землю не роняйте, с земли не поднимайте, у раба божия крови не бывать". В других формулах в

эпическую часть переносится человек как объект совершающегося действия, например - заговоре от жабы: “У горыди Русалими на рике Ирдани стаить древа купарес; на том древе сядить птица арёл, шипить и тирибить кахтями и нахтями, и пад щиками, и пад зябрами у раба божия жабу”. Такую одночленную формулу легко развернуть и возвести к двучленной: в городе Иерусалиме орел сидит на дереве и тербит немочь-жабу; так бы истребилась немочь у раба божия, и т. д. Один из мотивов эпической части, по словам Веселовского, - упомянутые выше *legendes des origines* (откуда что пошло; заклиная железо, огонь, медведя, рассказывают о их происхождении. Эпическая часть заговора естественно выделилась из его состава - старогерманская заклинательная формула (*spel*) обособилась к значению поучения, побасенки, сказки. [11]

Часто, но далеко не всегда, заговор кончается замыканием; в русских заклинаниях оно встречается чаще, чем в иностранных. Есть готовые формы для него: “слово мое крепко”, “замок моим словам”, “как у замков смычи крепки, так мои слова метки” или просто ев-

рейское “аминь”. Ключом и замком замыкаются враждебные силы: хозяин обходит свое стадо, наговаривая: “Замыкаю я (имя) сим булатным замком серым волкам уста от моего табуна”. Такое же мистическое значение имеют узлы; с их помощью лечат от бородавок; страх нападает на того, кто заметит в поле закрученные узлом колосья: их спутала нечистая сила.

Современная наука располагает многими текстами, заговоров. Их делят обыкновенно, по цели, которую они преследуют, на заговоры, касающиеся любви и брака, болезней и здоровья, частного быта и общественных отношений, отношений к природе и к сверхъестественным существам. Такого деления держатся известные собиратели заговоров, великорусских - Л. Майков [12] из малороссийских - П. Ефименко. [13] Матерьял, состоящий из неподвижных текстов, производит на первый взгляд однообразное впечатление уже по тому одному, что на всем пространстве России часто повторяются одни и те же заговоры. Изменяются только языковая окраска да иногда образы - сообразно с темпераментом

народа, с духом его, с климатом. Сверх того, в сборниках преобладают обиходные и самые однообразные заговоры. В целом они производят впечатление какого-то домашнего руководства для лечения болезней, для хозяйства, для ремесла. Может показаться, что искать поэзии в таких сборниках - то же, что искать ее в медицинском учебнике, в своде правительственных распоряжений, в лучшем случае - в рыночном "толкователе снов", который попадает в лавочке у каждого букиниста.

На самом деле это не так. Заклинания и обряды действительно имеют чисто практический смысл. Они всегда целесообразны, направлены во вред или на пользу. Но понятие пользы в нашем быту совершенно утратило свое первоначальное значение. Для нас польза связана обыкновенно если не с неприятным, то, во всяком случае, с безразличным в эстетическом отношении; красота и полезность пребывают во вражде; убить эту вражду не удастся никакой художественной промышленности, если утрачен ключ к древнему отношению этих двух враждебных стихий; но

было время, когда польза не смотрела пустыми очами в очи красоте; тогда не существовало отрицательного понятия “утилитаризма”, который хочет уничтожать все, не согласное с ним; и первый враг его, конечно, красота, такая одинокая, такая чуждая для многих современных людей.

В первобытной душе - польза и красота занимают одинаково почетные места. Они находятся в единстве и согласии между собою; союз их определим словами: прекрасное - полезно, полезное - прекрасно. Это и есть тот единственный истинный союз, который запрещает творить кумиры и который распался в сознании интеллигентного большинства, так что, по слову Вл. Соловьева, “кумир красоты стал так же бездушен, как кумир пользы” [14] Разрыва этого религиозного союза избежал “темный” народ. Вот почему он - наивно, с нашей точки зрения, - творит магические обряды, одинаково заговаривает зубную боль и тоску, успех в торговле и любовь. Для него заговор - не рецепт, а заповедь, не догматический, и положительный совет врача, проповедника, священника, а таинственное указа-

ние самой природы как поступать, чтобы достигнуть цели; это желание достигать не так назойливо, серо и торопливо, как наше желание вылечиться от зубной боли, от жабы, от ячменя; для простого человека оно торжественно, ярко и очистительно; это - обрядовое желание; для нас - болезнь и всякая житейская практика играют служебную роль; для простой души священны - и самый процесс лечения, и заботы об урожае, и о печении хлеба, и о рыбной ловле. Над нашей душой царствует неистовая игра случая; народная "истовая" душа спокойно связана с медлительной и темной судьбой; она источает свою глубокую и широкую поэзию, чуждую наших творческих "взрываний ключей", [15] наших болей и вскриков; для нее прекрасны и житейские заботы и мечты о любви, высоки и болезнь и здоровье и тела и души. Народная поэзия ничему в мире не чужда. Она - прямо противоположна романтической поэзии, потому что не знает качественных разделений прекрасного и безобразного, высокого и низкого. Она как бы всё освящает своим прикосновением. Но количественного разделения не

может не быть. Слова не так музыкальны, обряды более примитивны - там, где речь идет о домашнем обиходе. Чем ближе становится человек к стихиям, тем зычнее его голос, тем ритмичнее - слова. Когда он приобщается самой темной и страшной стихии - стихии любви, - тогда его заклинание становится поэмой тоски и страсти, полновесным золотым вызовом, который он бросает темной силе в синюю ночь. Полюбивший и пожелавший чар и чудес любви становится сам кудесником и художником". Он произносит те творческие слова, которые мы находим теперь обессиленными и выцветшими на бледных страницах книг.

Раз красота совпадает с пользой в первобытном сознании, - ясно, что это не наша красота и не наша польза. Наша красота робка и уединенна, наша польза жестка и груба. Наша индивидуальная поэзия - только слово, и, не спрашиваясь его советов, мы рядом, но не заодно с нею, делаем пресловутые полезные дела. Первобытная гармония согласует эти слова и дела; слова становятся действием. Сила, устрояющая их согласие, - творческая сила

ритма. Она поднимает слово на хребте музыкальной волны, и ритмическое слово заостряется, как стрела, летящая прямо в цель и певучая; стрела, опущенная в колдовское зелье, приобретает магическую силу и безмерное могущество. Искусство действенных заклинаний - всем нужное, всенародное искусство; это полезное первобытное искусство дает человеку средства для борьбы за существование. Оно входит в жизнь и способствует ее расцвету. Для того чтобы вылечить болезнь, хорошо работать, быть счастливым в домашней и хозяйственной жизни, на охоте, в борьбе с недругом, в любви - нужен ритм, который составляет сущность заклинания. Заклинатель бесстрашен, он не боится никакого бога, потому что он сам - бог; "стану не благословясь, стану не перекрестясь", - говорит он в минуту высшего напряжения воли. Заклинатель свободен в своей темной и двойственной стихии, его душа цветет, слово звучит и будит спящие силы. Ритмическое заклинание гипнотизирует, внушает, принуждает. В ритме, - говорит Е. В. Аничков, - коренится та побеждающая и зиждущая сила человека, которая

делает его самым мощным и властным из всех животных... Мы можем спросить вместе с Ницше: “Да и было ли для древнего суеверного людского племени что-либо более полезное, чем ритм”. С его помощью все можно было сделать: магически помочь работе, принудить бога явиться, приблизиться и выслушать, можно было исправить будущее по своей воле, освободить свою душу от какой-нибудь ненормальности, и не только собственную душу, но и душу злейшего из демонов; без стиха человек был ничто, со стихом он становился богом”. [16] Мы пойдем по лестнице заклинаний, начиная с первой ступени. На ней мы встречаем ту маленькую поэзию, где обряд заключается в сдувании, оплевываньи, шептаньи, наговариваньи на воду, показываньи кукиша. Обряд сопровождают маленькими словами, и все дело касается заурядной болезни, ляганья коровы, торговли. Заговоры от зубной боли очень распространены и очень однообразны. В средней России наговаривают на воду: “Четыре сестрицы, Захарий да Макарий, сестра Дарья да Марья, да сестра Ульянья, сами говорили, чтоб у раба божия (имя)

щеки не пухли, зубы не болели век по веку, отныне до веку. тем моим словом ключ и замок; ключ в воду, а замок в гору”. Упоминают и безобидного, нестрашного “священномученика Антипу, зубного целителя”. В Орловской губернии говорят: “Князь молодой, рог золотой, был ли ты на том свете?” - “Был”. - “Видал ли ты мертвых?” - “Видал”. - “Болят ли у них зубы?” - “Нет, не болят”. - “Дай бог, чтоб и у меня, раба божия (имя), никогда не болели”. Такая же разговорная форма бывает еще более развита в заговорах от зубной боли: “Во имя отца и сына и святого духа, аминь. Стану я, раб божий (имя), благословясь и пойду перекрестясь; выйду в чистое поле, в широко раздолье. В чистом поле, в широком раздолье лежит белой камень Латырь. Под тем белым камнем лежит убогий Лазарь. То я, раб божий (имя), спрошу убогого Лазаря: “Не болят ли у тебя зубы, не щемит ли щеки, не ломит кости?” И ответ держит убогий Лазарь: “Не болят у меня зубы, не щемит щеки, не ломит кости”. “Так бы у меня, раба божия (имя), не болели бы зубы, не щемили щеки, не ломило бы кости - в день при солнце, ночью при месяце,

на утренней зари, на вечерней зари, на всяк день, на всяк час, на всякое время. Тем моим словам будь ключ и замок. Во имя отца и сына и святого духа, аминь”.

Месяц - князь молодой и Лазарь, лежащий под белым камнем в чистом поле, - как будто нечаянно попали в эти заговоры, которые произносятся шопотом и скороговорной; также по-домашнему, негромко звучат другие заговоры от заурадных болезней: от ячменя-смочив указательный палец слюной и помазав больной глаз, трижды произносят: “Господи благослови! Солнце на запад, день на исход, сучок на глазу на извод, сам пропадет, как чело (устье печи) почернеет. Ключ и замок словам моим”; или - плюнув трижды и показав больному глазу кукиш, трижды шепчут: “Ячмень, ячмень, на тебе кукиш; что хочешь, то купишь; купи себе топорок, руби себя поперек!” В заговорах от крови постоянно упоминается девица и шелк: знахарь сжимает рану и трижды говорит, не переводя духу: “На море Океане, на острове Буяне, девица красным толком шила; шить не стала, руда перестала”. “От звиху” белорусы наговарива-

ют: “Ехала святая прачистая на сивом коне чараз золотой мост; конь споткнувсь, сустав зъвихнувсь; конь устав, сустав на мести став”. Когда ребенок не может уснуть и кричит, - заговаривают каких-то Крикс, Плакс и Щекотуна. В Великороссии просят зарю взять у ребенка, у которого “полуношница” (бессонница), - полнощника и щекотуна из белого тела”. Чтоб ребенок не кричал, наговаривают: “Заря Дарья, Заря Марья, Заря Катерина, Заря Маремьяна, Заря Войска, Заря Крикса, возьмите свой крик. Крик, крик, поди на Окиян-море...” В Холмогорах (Архангельской губернии) выносят ребенка на заре на улицу и говорят трижды: “Зоря-зоряница! Возьми бессонницу, безутомонницу, а дай нам сон-угомон”. В Малороссии ребенка несут в курятник, приговаривая: “Нате вам ночныци, оддайте нам сонныци”. Страшнее всех болезней - горячка, огневица, и заговаривают ее зато не шутливыми, а тяжелыми словами. “Стану я, раб божий (имя рек), благословясь и пойду перекрестясь во сине море; на синем море лежит бел горяч камень, на этом камне стоит божий престол, на этом престоле сидит пре-

святая мать, в белых рученьках держит белого лебедя, обрывает, общипывает у лебедя белое перо; как отскакнуло, отпрыгнуло белое перо, так отскокните, отпрыгните, отпряните от раба божия (имя рек), родимые огневицы и родимые горячки, с буйной головушки, с ясных очей, с черных бровей, с белого тельца, с ретивого сердца, с черной с печени, с белого легкого, с рученок, с ноженек. С ветру пришла - на ветер пойдя; с воды пришла - на воду пойдя; с лесу пришла - на лес пойдя отныне и до века". Из заговора видно, что в течение болезни, может быть в жару и бреде, являются какие-то существа, которые обступают, давят и душат больного. Также нападают на него лихорадки - "трясовницы", дочери Иродовы; имена их ясно обозначают фазисы болезни: Огнея, Гнетя, Знобя, Ломея, Пухлея, Скорохода, Трясуха, Дрожуха, Говоруха, Лепчея, Сухота и Невея. Домашнему быту уделено много места в заговорах. Это - целая история хозяйства, домашних и полевых забот землепашца, скорее - картины тихой жизни, а не молитвы и не песни о ней. Заговаривают корову, чтобы не лягалась; наговаривают на воду, которой

потом обмывают вымя: “Господи боже, благовослови! Как основана земля на трех китах, на трех китицах, как с места на место земля не шевелится, так бы любимая скотинушка с места не шевелилась; не дай ей, господи, ни ножного ляганья, ни хвостового маханья, ни рогового боданья. Стоп горой, а дои рекой: озеро сметаны, река молока. Ключ и замок словам моим”. Длинными, спокойными словами заговаривают скот от хищников в поле, делают оборону скоту”. Заговаривают оружие, вора, чтоб не влез в избу, пчел, чтобы лучше роились. Наговаривают на мед и тем медом велят умываться на счастье в торговле. “Как пчелы ярые роятся да слетаются, так бы к тем торговым людям купцы сходились”. Идут судиться или хлопотать по своим делам - произносят заговоры на подход к властям, на умилоствление судей, чтобы “оттерпеться от пытки”. Свадебная пора окружена целой сетью заговоров, таких же обиходных, за которыми чувствуется желание успокоения и мирной супружеской жизни. Девушка приговаривает себе жениха в церкви, в праздник Покрова: “Мати пресвятая богородица,

покрой землю снежком, а меня женишком”. Следуют заговоры перед тем, как засылать сваху, при проводах жениха и невесты, от порчи свадьбы в дороге. Мир и тишина нарушаются злыми людьми, которые хотят поселить раздор между новобрачными и призывают “сорок-сороков - сатанинскую силу”; стерегут недруга, точат широкий нож в снежной пыли. “Создан мне, господи, - говорит злой человек, - главу железную, очи медные, язык серебряный, сердце булату крепкого, ноги волка рысучего; а недругу ненавистнику моему создай, господи, щеки местные, язык овечей, ум телечей, сердце заячье”. От порчи и “призора” можно отговориться: “Есть славное синее море, есть на славном синем море синей остров, есть на синем острове синей камень, на том синем камени сидит синен человек, у синего человека синей лук бестетивной, синяя стрела без перья, и отстреливает синей человек синим луком бестетивным, синей стрелой без перья, притчи и призеры, и уроки, переломы и грыжища всякие, падежи и удары, и пострелы, всякую нечисть”. Далее рассказывается о таком же серебряном море,

острове, камне, и человеке с луком, и о сказочной Мугай-птице; они также отстреливаются от притчей и призеров. Всего легче испортить человека, сделав его пьяницей, для этого берут червей из пустых винных бочек, сушат их и потом кладут в вино, а над вином читают: “Морской глубины царь, пронеси ретиво сердце раба (имя) от песков сыпучих, от камней горючих; заведись в нем гнездо оперунное. Птица Намырь взалкалася, во утробе его взыгралася, в зелии, в вине воскупалася, а опившая душа встрепыхталася, аминь”. От этой - самой злой и таинственной - порчи, от темной силы запоя, которой не видно и не слышно, которая настагает внезапно и приносит в дом напряженными словами; часть их очевидно, непонятна для самого заклинающего; в них слышен голос отчаянья: “Ты, небо, слышишь, ты, небо, видишь, что я хочу делать над телом раба (имя рек). Тело Маерка печень тезе. Звезды вы ясные, сойдите в чашу брачную; а в моей чаше вода из-за горного студенца. Месяц ты красный, зайди в мою клеть; а в моей клетке ни дна, ни покрывки. Солнышко ты привольное, взойди

на мой двор; а на моем дворе ни людей, ни зверей. Звезды, уймите раба божия (имя рек) от вина, месяц, отврати раба (имя рек) от вина; солнышко, усмири раба (имя рек) от вина. Слово мое крепко!”

Выходя из дому, человек свободнее дышит, смотрит на поля и на леса, слушает голоса их. По древнему обычаю, он испытывает силы в кулачной борьбе и заговаривает свои силы: “Стану я, раб божий, благословясь, пойду перекрестясь из избы в двери, из ворот в ворота, в чистое поле в восток, в восточную сторону, к окияну-мору, и на том святом окияне-море стоит стар мастер, муж святого окияна-моря, сырой дуб креповастый; и рубит тот старый мастер муж своим булатным топором сырой дуб, и как с того сырого дуба щепка летит, та-кожде бы и от меня (имярек) валился на сыру землю борец, добрый молодец, по всякий день и по всякий час. Аминь. Трижды. И тем замок моим словам, ключ в море, замок в небе, отныне и до века”. Рыбная ловля располагается к благодущию: в Архангельской губернии; для того чтобы на удочку попалась большая рыба, ловят маленькую, секут ее и приго-

варивают: “Пошли отца, пошли мать, пошли тетку, пошли дядю...” Всего вольнее - на охоте, среди леса; на Севере очень длинные заговоры на ловлю горностаев, векш, настойчиво заговаривают бег зайца. Островник заговаривает зеленую дубраву: “Хожу я, раб (такой-то), вокруг острова (такого-то) по крутым оврагам, буеракам, смотрю я чрез все леса: дуб, березу, осину, липу, клен, ель, жимолость, орешину; по всем сучьям и ветвям, по всем листьям и цветам, а было в моей дуброве по жи-ву, по добру и по здорову, а в мою бы зелену дуброву не заходил ни зверь, ни гад, ни лих человек, ни ведьма, ни леший, ни домовый, ни водяной, ни вихрь. А был бы я боль-шой-набольшой; а было бы все у меня во по-слушании. А был бы я цел и невредим”. Бли-зость к хлебным полям, к туману и ветру, к дождям и грозам заставляет петь все громче. Есть заговоры совсем как нежные лириче-ские песни: “Ой, вылынь, вылынь, гоголю! вынеси лето за собою, вынеси лето, летечко и зеленее житечко, хрещатенький барвиночек и запашенький василечек!” Так “закликают весну” в Малороссии; заговаривают мороз,

грозу, вихрь, засуху; просят, “щоб хмара разойшлась”: “Бей, дзвоне, бей, хмару разбей! Нехай хмара на Татаре, сонечко на хрестяне! Бей, дзвоне, бей, хмару розбей”. Рядом с этим песенным весельем, которое возбуждает рабочую силу, приходится открещиваться и заговариваться от темных сил, которые всюду присутствуют, и прежде всего от обыкновенного чорта. Заговор-молитва от чорта произносится и теперь: “Ангел мой, хранитель мой! сохрани мою душу, укрепи мое сердце на всяк день, на всяк час, на всякую минуту. Поутру встаю, росой умываюсь, пеленой утираюсь Спасова пречистова образа. Враг-сатана, отшатнись от меня на сто верст - на тысячу, на мне есть крест господень! На том кресте написаны Лука, и Марк, и Никита-мученик: за Христа мучаются, за нас богу молятся. Пречистые замки ключами заперты, замками запечатаны, ныне и присно и во веки веков, аминь”. Приходится выживать и домового и кикимору и отгонять русалок. Огненный змей-летун, портящий девок, называется иногда “перелестником”. Та, кого он любит, должна носить при себе лук, зелья Тирличь и

“тою”, лечиться соком трав “тояда”, “деляна” и “трояна” и произносить, когда падает звезда: “Баран третяк голову зломив, да и ты!” Иногда “перелестник” является в женском образе Летавицы и чарует волшебными прелестями. Для отогнания русалок есть заповедные слова и странные колдовские песни, состоящие из непонятных слов:

Ау, ау, шихарда кавда!

Шивда, вноза, мотта, миногам,

Калаиди, инди, якуташма биташ,

Окутоми ми нуффан, зидима...

Но человек - сам-друг с природой. Он может привыкнуть и к ее маленьким зловерным бесенятам, которые вертятся тут же, в избе, у ног, в борозде, оставленной сохой, на ближней опушке. Он заговаривает их так же, как легкую болезнь или домашнюю удачу. Ему легко привыкнуть ко всему этому обиходу, созданному его темной, первобытной душой вокруг очага. А там, где поселяется привычка, блеск поэзии затуманивается, притупляется ее острие. И потому истинные перлы

первобытной поэзии сверкают там, где неожиданное, непривычное событие падает на голову человека, возбуждает его гневом, тоской или любовью, распирает стены избы, лишает почвы под ногами и поднимает еще выше холодное, предутреннее небо. Здесь играет свободная и живая поэзия: сын покидает мать, девушка бросает милого. Мать как будто видит с вещей тоскою каждую былинку в мире, знает все, что может стрястись с родным сыном. Заговор матери от тоски по сыне показывает, что самые темные люди, наши предки и тот странный народ, который забыт нами, но окружает нас кольцом неразрывным и требует от нас памяти о себе и дел для себя, - также могут выбиться из колеи домашней жизни, буржуазных забот, бабьих причитаний и душной боязни каких-то дрянных серых чертенят. В заговоре как бы растут и расправляются какие-то крылья, от него веет широким и туманным полем, дремучим лесом и тем богатым домом, из которого ушел сын на чужую сторону. Чтобы предохранить свое дитячко от обмороченья и узорочанья, мать произносит золотые слова: "Пошла я в чисто по-

ле, взяла чашу брачную, вынула свечу обручальную, достала плат венчальный, почерпнула воды из загорного студенца; стала я среди леса дремучего, очертилась чертою проверочною и возговорила зычным голосом. Заговариваю я своего ненаглядного дитятку (такого-то) над чашею брачною, над свежею водою, над платом венчальным, над свечою обручальною. Умываю я своего дитятку во чистое личико, утираю платом венчальным его уста сахарные, очи ясные, чело думное, ланиты красные, освещаю свечою обручальною его становой кафтан, его осанку соболиную, его подпоясь узорчатую, его коты шитые, его кудри русые, его лицо молодецкое, его поступь борзую. Будь ты, мое дитяtko ненаглядное, светлее солнышка ясного, милее вешнего дня, светлее ключевой воды, белее ярого воска, крепче камня горючего Алатыря. Отвожу я от тебя чорта страшного, отгоняю вихоря бурного, отдаляю от лешего одноглазого, от чужого домового, от злого водяного, от ведьмы Киевской, от злой сестры ее Муромской, от моргуньи-русалки, от треклятыя бабы-яги, от летучего змея огненного, отмахиваю от ворона ве-

щего, от вороны-каркуньн, защищаю от кащя-ядуна, от хитрого чернокнижника, от заговорного кудесника, от ярого волхва, от слепого знахаря, от старухи-ведуньи, а будь ты, мое дитяtko, моим словом крепким в нощи и в полунощи, в часу и в полчасаи, в пути и дороженьке, во сне и наяву укрыт от силы вражией, от нечистых духов, сбережен от смерти напрасный, от горя, от беды, сохранен на воде от потопления, укрыт в огне от сгорания. А придет час твой смертный, и ты вспомяни, мое дитяtko, про нашу любовь ласковую, про наш хлеб-соль роскошный; обернись на родину славную, ударь ей челом седмерижды семь, распростиись с родными и кровными, припади к сырой земле и засни сном сладким, непробудным". И это еще - не весь заговор.

Тот, кто узнал любовь, помнит о смерти. Душа его расцветает, она способна впивать в себя все цвета и звуки, дышать многообразием мира, причаститься мировому Причастию. Влюбленная душа - самая зрячая и чуткая, она как бы видит вдаль и вширь, и нет предела ее познанию мировых кудес. Это - душа ку-

десника, и влюбленный сам становится кудесником. Вот почему любовь, как высшая тайна, - родная стихия заклинаний отсюда они появляются, вырастая, как цветы из бездны. Даже в тех бедных текстах заговоров, которые лежат перед нами и в которых больше не играет жизнь и не звучит влюбленный голос, мы можем услышать широкую, многострунную музыку - от нежных лирических мелодий до настоящей яростной страсти, обращающей сердце заклинателя в красный уголь. Есть простые и тихие "приворотные" песни-заклинания:

Как хмель пьется около кола по солнцу,
Так бы вилась, обнималась около меня раба божия (имя).

Смоленские девушки говорят:

Зари мое ясны,
Зари мое красны,
Палудённыи
И палуношныи,
Придятся!

Как у печи ат синю жарка
Чтоб я была жалка.
Па етый час, па ету минуту

Есть более длинные любовные заговоры - присушки, отсушки, отстуды. В Архангельской губернии читается: “Встану я, раб божий, благословясь, пойду перекрестясь из дверей в двери , из дверей в ворота, в чистое поле; стану на запад хребтом, на восток лицом, позрю, посмотрю на ясное небо; со ясна неба летит огненна стрела; той стреле помолюсь, покорюсь и спрошу ее: “Куда полетела, огненна стрела?” - “В темные леса, в зыбучие болота, в сыроё кореньё !” - “О ты, огненна стрела, воротись и полетай, куда я тебя пошлю: есть на святой Руси красна девица (имярек), полетай ей в ретивое сердце, в черную печень, в горячую кровь, в становую жилу, в сахарные уста, в ясные очи, в черные брови, чтобы она тосковала, горевала весь день, при солнце, на утренней заре, при младом месяце, на ветре-холоде, на прибылых днях и на убылых Днях, отныне и до века”. Таких заговоров много, только желания влюбленного прини-

мают все новые и новые формы. “Пленитесь, ее мысли, - говорит он. - И казался бы я ей милее отца и матери, милее всего рода и племени, милее красного солнца и милее всех частых звезд, милее травы, милее воды, милее соли, милее детей, милее всех земных вещей, милее братьев и сестер, милее милых товарищей, милее милых подруг, милее всего света вольного”. Любовник заговаривает, чтоб любила, чтоб горело ее сердце, чтоб тосковала, как тоскуют животные, чтоб “целовала, обнимала и блуд творила”. “И пойду я, раб, за белой брагой, за девичьей красотой”, - точно поется в одном заклинании. Колдун-влюбленный предает себя в руки темных демонов, играет с огнем: у семидесяти семи братьев, сидящих на столбе, он просит “стрелу, которая всех пыльчее и летчее, чтобы стрелить девицу в левую титьку, легкие и печень”. Он кланяется “толстой бабе, сатаниной угоднице”, чтобы разожгла сердце девице. Молит о том, чтобы двенадцать сестер-трясавиц распилили белый камень Алатырь и вынесли из него на девицу “палящий и гулящий огонь”, чтоб Огненный Змей зажег красную девицу. Под

камнем Алатырем лежат “три тоски тоскующие, три рыды рыдующие” - их насылает влюбленный на девушку: “бросалась бы тоска в ночное окошко, в полуденное окошко, в денное окошко”. Огненные мучения призывают на ту, которая не сдастся на любовь: “Упокой, господи, душу, в тело живущую, у рабы твоя (имярек). Боли, ее сердце, гори, ее совесть, терпи, ее ярая кровь, ярая плоть, легкое, печень, мозги. Мозжитесь, ее кости; томитесь, ее мысли, и день, и ночь, и в глухую полночь, и в ясный полдень, и в каждый час, и в каждую минуту обо мне, рабе божием (имярек). Вложи ей, господи, огненную искру в сердце, в легкие, в печень, в пот и в кровь, в кости, в жилы, в мозг, в мысли, в слух, в зрение, обоняние и в осязание, в волосы, в руки, в ноги-тоску, и сухоту, и муку; жалость, печаль, и заботу, и попечение обо мне, рабе (имярек)”. Кладется земной поклон.

В следственном деле XVIII века найдено совершенно демоническое любовное заклинание. [17] В нем слышен голос настоящего чародейства; имена каких-то темных бесов, призываемых на помощь, изобличают выс-

шее напряжение любовной тоски: “Во имя сатаны, и судьи его демона, почтенного демона пилатата игемона, встану я, добрый молодец, и пойду я, добрый молодец, ни путем, ни дорогою, заячьим следом, собачьим набегом, и вступлю на злобное место, и посмотрю в чистое поле в западную сторону под сыру-матерую землю... Гой еси ты, государь сатана! Пошли ко мне на помощь, рабу своему, часть бесов и дьяволов, Зеследер, Пореастон, Коржан, Ардух, Купалолака - с огнями горящими... Не могла бы она без меня ни жить, ни быть, ни есть, ни пить, как белая рыба без воды, мертвое тело без души, младенец без матери... Мои слова полны и наговорны, как великое океан-море, крепки и лепки, крепчае и лепчае клею карлуку и тверже и плотнее булату и камению... Положу я ключ и замок самому сатане под его золот престол, а когда престол его разрушится, тогда и дело сие объявитца”.

Мы достигли верхней ступени лестницы заклинаний и смотрим на пройденный путь. Нам бросаются в глаза постоянные непонятные образы: всюду говорится о каком-то камне Алатыре; повторяются какие-то отзвучав-

шие имена - имена лихорадок, которые можно встретить в самых разнообразных заклинаниях (и от болезни и от любви). Иные заговоры расшиты, как по канве, по этим темным именам, от которых веет апокрифом, легендой, пергаментом. О них только нам остается сказать.

Источники некоторых заговоров можно восстановить только книжным путем. Сравнение текстов открывает поразительное сходство заклинаний, чародейских приемов, психологий у всех народов. Это объясняется не только общностью суеверной психологии, но заимствованием. Многие наши заговоры не национального происхождения; одни прошли длинный путь с Востока, через Византию, другие возвратились с Запада, через Польшу. Общая родина их - Вавилон и Ассирия. Один из интереснейших примеров длинного путешествия заклинаний - заговоры от лихорадки, исследованные А. Н. Веселовским [18] и И. Д. Мансветовым. [19]

Заклинатели Халдеи вызывали астральных демонов, число которых колебалось между двенадцатью и семью. В христианской

культуре эти духи-демоны превратились в злых лихорадок; это случилось под влиянием представлений средневековой церкви об Иродиаде, считавшейся орудием дьявола. Иродиада - плясунья - злая жена. На средневековых миниатюрах она изображалась танцующей и кувыркаящейся на пиру Ирода, как скомо-рох. По малороссийскому поверью, из трупа Иродиады выросло дьявольское зелье - табак тютун. Лихорадка-трясавица, заставляющая человека корчиться и дрожать, была сближе-на с исступленной пляской Иродиады; по каталонскому поверью, у Ирода - несколько дочерей плясовиц; по староболгарскому (бого-мильского попа Иеремии) и русскому загово-ру, трясавицы - дочери Ирода. [20] В заговорах от лихорадок, называемых “Молитва св. Сиси-ния”, рассказывается, как к святому, стояще-му на морском берегу, вышли из моря “семь простовласых дев”; по молитве святого, явив-шиеся архангелы избili этих дев; число и имена лихорадок и архангелов непостоянно: лихорадок бывает двенадцать, вместо Сиси-ния - Сихаил и Михаил, имена архангелов - Урил, Рафаил, Варахель, Рагуил, Афанаил, То-

ил. Место действия - то у Мамврийского дуба, то на Фаворской горе. Источник заговора - византийская полублегда, полужаклинание, где говорится о святом Сисинии, гонящемся за демонической Гилло, у которой двенадцать имен: “волосы у ней до пят, глаза как огонь, из пасти и от всего тела исходило пламя; она шла, сильно блеща, безобразная видом”. Двенадцать имен превратились в двенадцать существ. Под влиянием представления о гонимых и скитающихся дочерях Ирода получилось русское синкретическое заклинание, где какой-то святой преследует дочерей Ирода - трясавиц.

Другие заговоры пестрят именами темных демонов и светлых сил. Мы уже встретились с “царем морской глубины”, который в другом месте называется прямо “царь Няптун”, так что заимствование несомненно. Постоянное призывание светил и зари, имена зари - Дарья, Мария, Маремьяна, Амтимария (кажется, просто описка, вместо: махи Мария), какие-то Ариды, Мариды и Макариды - находили себе шаткое мифологическое или лингвистическое объяснение; точно так же более

точных или простых психологических разъяснений требуют образы хмеля и браги, олицетворение тоски, призывания огня, грозы, ветра. Интереснее и красивее всего объяснение камня Алатыря, данное Веселовским. [21] Этот Алатырь, Латырь или Алатр-камень белый, горючий, светлый, синий, серебряный - светится в центре массы заклиний и обладает чудотворной силой. Лежит он на море Окияне, на острове Буяне, который мифологи считали страной вечного лета под камнем лежат три доски, под досками - три тоски. "На Воздвиженье, - рассказывают крестьяне, - змеи собираются в кучу, в ямы, пещеры, яры на городищах, и там является белый, светлый камень, который змеи лизут и излизывают весь". Таковы темные сказания о таинственном камне. Рассказ о том месте, где он лежит, можно найти в новгородской былине: Василий Буслаев, бахвалясь в Ерусалиме, пихал ногой череп (голову Адама); череп этот лежит не доезжая камня Латыря и соборной церкви на Фаворе. Скача через бел-горюч камень Латырь - тот самый, на котором преобразился Иисус Христос, новгородский революционер

слобил себе голову - убился до смерти. Изучая западные легенды и показания русских путешественников, Веселовский сближает заповедный камень Алатырь с алтарем: народная фантазия, говорит он, нашла символический центр сказаний - алтарный камень, алтарь, на котором впервые была принесена бескровная жертва, установлено высшее таинство христианства.

Октябрь 1906 г.

Примечания

1. И.П.Сахаров. Сказания русского народа, т. 1, кн. 2, - "Очерки семейной жизни". Изд. 3-е, СПб., 1841, стр. I-IV

2. По-видимому, Блок имеет в виду работу А. Н. Веселовского "Из введения в историческую поэтику" ("Журнал министерства народного просвещения", 1894, май, стр. 22).

3. Блок опирается здесь на работу А. Н. Веселовского "Разыскания в области русского духовного стиха" (статья XI - "Дуалистические поверия о мироздании". СПб., 1889, стр. 1.)

4. Из работы Е. В. Аничкова “Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян”, ч. 1 (“От обряда к песне”). СПб., 1903, стр. 119-120

5. А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. 1. М., 1865, стр. 273-274.

6. А. А. Потебня. Малорусская народная песня по списку XVI века. Воронеж, 1877, стр. 23-24.

7. Из работы Е. В. Аничкова “Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян”, ч. 1 (“От обряда к песне”). СПб., 1903, стр. 119.

8. Там же, стр. 38-39

9. А. А. Потебня. Малорусская народная песня по списку XVI века. Воронеж, 1877, стр.21

10. Блок имеет в виду статью А. Н. Веселовского “Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля” (“Журнал министерства народного просвещения”, 1898, март, стр. 51-54).

11. По-видимому, речь идет о работе А. Н. Веселовского “Три главы из исторической поэтики” - гл. “От певца к поэту”, разд. II (“Журнал министерства народного просвещения”, 1899, май, стр.15-16).

12. Л. Майков. Великорусские заклинания.

СПб., 1869, стр. 4.

13. П. Ефименко. Сборник малороссийских заклинаний. М., 1874, стр. VI

14. Блок ошибся: цитированные слова, близкие по мысли В. С. Соловьеву, принадлежат В. Брюсову (см. Предисловие к книге "Tertia vigilia". М., 1900)

15. Неточная цитата из стих. Ф. И. Тютчева "Silentium!"

16. Из работы Е. В. Аничкова "Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян", ч. II ("От обряда к песне"). СПб., 1905, стр. 309. Аничков цитирует Ф. Ницше из книги "Веселая наука" (М., 1861, стр. 168-169)

17. "Любовное заклинание из следственного дела 1769 года" ("Летописи русской литературы и древности 1859-1860 гг.", т. III. М., 1861 стр. 92-93).

18. А. Н. Веселовский Разыскания в области русского духовного стиха, статья VI - "Духовные сюжеты в литературе и народной поэзии румын". СПб., 1883, стр. 47.

19. И. Д. Мансветов. Византийский материал для сказания о 12-ти трясовицах. М., 1881.

20. Блок почти дословно передает текст А.

Н. Веселовского (“Разыскания в области русского духовного стиха”. СПб., 1889, стр. 325).

21. А. Н. Веселовский Разыскания в области русского духовного стиха, статья III- “Алатырь в местных преданиях Палестины и легенды о Граале”. СПб., 1881, стр. 25.